

ФАКУЛЬТЕТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ

П. А. Бороздина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 апреля 2015 г.

Аннотация: *воспоминания доцента П. А. Бороздиной, которая в 1966–1970 гг. работала деканом филологического факультета ВГУ, об обучении в университете студентов из зарубежных стран и республик СССР.*

Ключевые слова: *филологический факультет, Воронежский государственный университет, иностранные студенты, сотрудничество.*

Abstract: *associate professor P. A. Borozdina – the Dean of the Faculty of Philology at VSU in 1966–1970 – tells about international students studying at VSU in those years.*

Key words: *faculty of Philology, Voronezh State University, international students, partnership.*

В начале 60-х гг. XX в. на филологический факультет ВГУ стали приезжать студенты-иностранцы. Вначале приезжали немцы-стажеры. Это были взрослые мужчины, участники Великой Отечественной войны, прошедшие через наши лагеря для военнопленных. Они хорошо говорили по-русски и были искренне к нам расположены. Потом стала приезжать молодежь. Одни – на год (стажеры), другие на пять лет. Поначалу немецким ребятам было трудно привыкать к нашим обычаям, особенно к коллективизму. Помню эпизод. Группа русских и немецких студентов под руководством Антонины Тимофеевны Абрамовой поехала в выходной день в лес. В полдень устроили завтрак на траве. Антонина Тимофеевна приказала расстелить бумажные скатерти и первая выложила на скатерть привезенную с собой еду. Русские студенты тут же последовали ее примеру, а немецкие студенты уже расселись, каждый по своим кустикам и приготовились завтракать. Антонина Тимофеевна со свойственной ей добродушной распорядительностью скомандовала: «А, ну, несите-ка все свои припасы сюда и садитесь вместе». Немцы были так удивлены и смущены, что сначала не могли даже есть, но потом примирились, и завтрак прошел весело и оживленно. Надо сказать, что немецким студентам обычай совместных завтраков очень понравился и с тех пор не вызывал ни удивления, ни, тем более, протеста. Немцы очень быстро восприняли наши обычаи и даже полюбили их.

Учились они старательно и к 3-му курсу уже не отличались от русских студентов, а в чем-то и

превосходили их (главным образом, своей старательностью и пунктуальностью). Такими же старательными и пунктуальными были венгерские студенты. Хорошо учились и англичане, и французы, и австрийцы, и датчане. Впрочем, это были стажеры и аспиранты. Мне запомнились австриец Алоис Воланд и англичанка Аланна тем, что они открыто спорили со мной. Наши деловые встречи всегда заканчивались идеологическими диспутами. Помню один такой диспут с Алоисом, который утверждал, что нам мало платят за нашу работу. Я предложила прибавить к зарплате дешевый хлеб, дешевые лекарства, транспорт и, наконец, жилищные расходы. Когда я сказала, что за свою отдельную квартиру (три комнаты) вместе со светом и телефоном плачу в месяц 15 рублей, он был поражен. Больше мы об этом не говорили. Алоис занимался у меня творчеством М. Булгакова, слушал курс истории русского театра XX в., часто бывал у меня (консультации со стажерами и дипломниками я обычно проводила дома, благо к услугам нашим была моя достаточно богатая библиотека). Впоследствии он успешно защитил диссертацию у себя в Инсбруке и потом еще раз приезжал в Воронеж уже в период перестройки. Тут уж наше свидание прошло без споров. Он ничего не мог понять в наших делах и видел, как я удручена всем происходящим. В последний раз он был у меня уже с женой. Алоис – один из тех, кто мне запомнился навсегда. Надеюсь, что и он вспоминает наши длительные консультации-диспуты.

Помню один эпизод, связанный с Аланной. С ней мы также нередко вступали в спор. Надо сказать, что я их не избегала, так как была уверена

в своей правоте и немало имела аргументов для защиты своих убеждений. Потом я была убеждена в честности людей, так открыто вступавших в спор со своим руководителем. Те, кто приезжал не для учения, а для других, прямо скажем, шпионских целей, не спорили, наоборот, соглашались, потихоньку выведывая настроения наших преподавателей.

Так вот, с Аланной мы спорили по проблемам национальных отношений. Она была убеждена в том, что Россия является метрополией, а Средняя Азия – колонией. Приехала она в Воронеж с темой, связанной с культурой Тимуридов. Узнав, что в плане ее работы есть командировка в Среднюю Азию, я не стала спорить, а предложила ей самой понаблюдать за уровнем жизни жителей Самарканда, куда она и должна была отправиться. Мы с ней стали усиленно заниматься изучением истории культуры XV в. и прекратили все дискуссии. Аланна оказалась очень способной девочкой: много работала и отправилась в командировку относительно подготовленной.

В Самарканде Аланна много работала, была в Бухаре, Ташкенте, других городах Узбекистана, а приехав, растерянно сказала: «Я запуталась, Полина Андреевна. Я была убеждена в том, что Средняя Азия – колония России, но, пожив там, убедилась: узбеки живут гораздо лучше, чем русские». Я засмеялась: «Вот такие мы колонизаторы». Не знаю, что она потом писала о нас в Англии. Надеюсь, что Аланна осталась такой же искренней, какой я ее знала.

Надо отдать должное: преподаватели факультета были внимательны к иностранцам: приглашали в гости, ходили с ними в театры и кино, ездили на различные экскурсии. Я сама возила немецких студентов-стажеров в Среднюю Азию, где мы посетили города: Ташкент, Самарканд и Бухару.

Предварительно прочитав им курс лекций об истории и культуре этих прославленных городов, я и в поездке играла роль не только руководителя (забот было много, хотя ребята были дисциплинированы и послушны), но и экскурсовода, когда это требовалось. Студенты с интересом осматривали достопримечательности городов, сама я узнала много нового и полезного для меня.

В поездке я, конечно, наблюдала за своими подопечными. Внешне все шло тихо и пристойно, но я, к удивлению своему, стала замечать, что у немецких студентов отсутствует или недостаточно выражено чувство товарищеской взаимовыручки. Если кто-то из них опаздывал, то я ни разу не слышала: «Давайте подождем...», наоборот, постоянно звучало: «Поехали. Пусть в другой раз не опаздывают...». Или еще. Мальчики никогда не ус-

тупали место не только своим девочкам, но и нашим молодым преподавательницам. Исключение делалось лишь только для меня. Со мной в поездке была ученица Ильи Николаевича, историк И.И. Романова. Так она не удивлялась, поскольку несколько лет работала в Германии и привыкла к немецкому индивидуализму. Позже мои ученицы – немки – признавались, что многие черты русского общежития им нравились и были ими восприняты. У меня осталось хорошее впечатление от нашей экскурсии, но должна признаться, что после нее я стала больше уважать наших плохо воспитанных, но добрых и уважительных к старшим студентов-парней.

Начало нашего «романа» с иностранными учащимися совпало со временем, когда я была деканом филологического факультета и оказалась у истоков организации подготовительного факультета. Сначала подготовительное отделение было на нашем филологическом факультете, а затем выделилось в самостоятельную единицу. Занятия первоначально шли главным образом с вьетнамцами. Это был период американской агрессии, и мы все называли Вьетнам «героическим Вьетнамом» и, надо сказать, искренне их уважали. Среди наших студентов было немало участников войны. Дисциплина в группе была железной, судьбу каждого решала группа. Ее староста мало что рассказывал о жизни коллектива, но все же до меня кое-что доходило. Мы знали, что жили они исключительно скромно, отдавая половину своих стипендий в фонд обороны Вьетнама. Учились усердно, хотя русский язык давался им очень трудно, особенно произношение, а технических средств обучения тогда фактически не было, так что приходилось учить их буквально «с голоса». Ездила в университет Дружбы народов им. П. Лумумбы, но они мало чем могли помочь мне. Со временем всё наладилось. Вероника Павлова была энергичным деканом и много сделала для нормальной работы подготовительного отделения.

Помню студентку Тху. Она отличалась от своих товарищей открытостью характера, прямоотой, искренностью, и ее они за это осуждали. Мы с ней подружились, но уехала Тху в обиду на меня. Однажды она спросила: не подарю ли я всю свою библиотеку Вьетнаму. Мое шутовское «конечно» Тху приняла за согласие и, уезжая, потребовала, чтобы я выполнила обещание. Доводы товарищей о том, что осуществить это по разным причинам невозможно, она не принимала. На мой вопрос: «А как же я буду дальше работать без своих книг?», – не захотела ответить. Так и уехала, обидевшись на меня.

Некоторое время мои ученики писали мне, один из них, Ле Дык Тху, даже приезжал после защиты докторской диссертации, чтобы поблагодарить меня, Т. А. Никонову и своих друзей за помощь и сочувствие.

Думая о нашей работе с вьетнамцами, понимаю, что наш университет оказал большую помощь этой поистине героической стране, сейчас уверенно набирающей темпы развития.

Были ли в общежитии или в аудиториях столкновения студентов разной национальности? Фактически нет. Правда, однажды могла случиться беда. Испортились отношения со студентами из Сомали, причем совсем не на национальной почве. Причины были связаны с возрастом студентов, их разборками из-за девушек. Вместе с тем имела место, видимо, и какая-то провокация. И надо сказать, что наши, советские, студенты в этом конфликте повели себя очень достойно. Я об этой истории узнала от Саши Валагина, непосредственного ее участника. В один из вечеров сомалийский студент грубо оскорбил его. Товарищи вступились. Создалась кризисная ситуация. В коридор второго общежития вышли почти все иностранные студенты и местные студенты-юноши. Сомалийцы явно задирались, вызывая на драку наших студентов. К счастью, наши поняли, что может из этого произойти. «Мы, – рассказывал Саша, – буквально замерли, сжав кулаки так, что ногти впились в кожу, сдержались, и всё обошлось. Как было тяжело, если бы знали». «Выдержали, – со вздохом облегчения сказала я. – Я бы не выдержала».

Были шутки, розыгрыши, но конфликтов не было. О ксенофобии мы и понятия тогда не имели. А уж о расовой дискриминации и говорить нечего.

В том, что так мирно жили у нас в Воронеже «дети разных народов», большую роль играли наши преподаватели и, конечно, комсомол. Да и вся атмосфера советской жизни. В голову никому не приходило, что можно обидеть темнокожего только за то, что он с виду не такой, как мы. Конечно, здесь много делали проректоры по обучению иностранных учащихся, сначала И. Н. Зорников, а затем В. В. Гусев. Вся система работы с иностранцами была продумана и подчинена строгим законам интернациональной солидарности.

Время моего деканства совпало с появлением на факультете студентов из Киргизии. Этому предшествовало посещение Воронежа Ч. Айтматовым, тогда уже прославленным и популярным писателем. Киргизы учились у нас 15 лет. Я много лет, уже после ухода из деканата, была их куратором, их «мамой», как они меня называли.

Среди первой партии приехавших студентов были ребята, окончившие русскую школу, и те, кто учился в национальной. Это сразу же создало определенные трудности и неравенство положения. Помню первую встречу в деканате с только что приехавшими первокурсниками. Поздоровались. Спрашиваю одного: «Как с русским языком?». – «Не жалуюсь», – отвечает. Ну, думаю, этот пойдет. И действительно, все пять лет учился благополучно. Второй обращается ко мне традиционно, по-киргизски: «Женге!» Говорю: «Меня зовут Полина Андреевна. Так у нас обращаются к преподавателю, по имени и по отчеству». Этому было трудно учиться, но (его звали Самиддин) он благополучно закончил обучение, писал дипломную работу у меня. Потом приехали другие студенты.

Я их любила, разумеется, всех по-разному, бранила, утешала, помогала, чем могла, они отвечали мне теплом и уважением. И до сих пор в письмах они вспоминают о Воронеже хорошо, а меня благодарят за заботу и постоянное внимание.

Очень хорошо работали киргизские студенты в колхозе, куда все студенты выезжали, чтобы помочь в уборке урожая, о чем мне не раз докладывал их неизменный руководитель, преподаватель И. А. Стернин.

Учились киргизы по-разному: одни старались, другие тратили время на развлечения. Пришлось несколько человек исключить. Одни из них вернулись домой, другие перевелись в Мичуринск, в пединститут, где требования были несколько слабее.

Особенно боялись они Р. К. Кавецкую, которая требовала основательных знаний курса «Современный русский язык» и школьной грамматики. Как-то она показала мне забавную запись на обложке Программы курса. Готовясь к сдаче экзамена, Шайбек Джумабаев написал: «Бой между Р. К. Кавецкой и Джумабаевым состоится 30 июня 1970 года в 34-а аудитории».

Для победы от студента Джумабаева требуется отлично выучить срля (современный русский литературный язык. – П. Б.) и решительно наступать. Но если Раиса Куприяновна начнет атаковать, то надо выжидать и контратаковать. Таков план младшего лейтенанта Джумабаева». Экзамен парень сдал, но на какую оценку – не помню.

Студенты плакались мне на суровые требования преподавателя, а сдав экзамен благополучно, никогда на нее не обижались. Я хоть и ругала их, но всегда заступалась и помогала, за что они были мне благодарны. Об этом как-то написала мне бывшая моя дипломница Рая (Рыскуль) Доскеева. На мой вопрос, пригодились ли ей знания, полученные на нашем факультете, Рыскуль отве-

тила утвердительно. Она писала, что, где бы ни работала, «всегда отличалась чем-то в работе и всегда была в числе первых: профессионализм, знания, методика преподавания, организационная работа с молодежью – все это она получила у нас. По ее словам, я была ближе и роднее к киргизским студентам, чем остальные. «С Вами поговорить и поделиться было не страшно на любую тему». Сознаюсь, мне приятно было получить такое признание.

Я уверена, что наш факультет много дал братской республике, подготовив за 15 лет учителей, ученых, общественных деятелей. Работая с киргизской молодежью, я часто вспоминала годы, проведенные в туркменском ауле, и опыт работы с туркменами помогал мне.

Наши преподаватели много сил отдали иностранным учащимся, и я верю, что их усилия были не напрасны. В наше трудное время, когда стараниями «заклятых друзей» демонизируются Россия и русский народ, немало выпускников воронежского университета на всех континентах вспоминают добрым словом и Воронеж, и наше отношение к ним. Я твердо в это верю.

Интернациональный состав студенческого коллектива филфака не мог не породить историй романтического характера. Молодости свойственно любить, не оглядываясь на всякого рода препятствия. Наивным было наше партийное начальство, надеясь на «сознательность» советской молодежи. Мы, преподаватели, ждали появления своих Ромео и Джульетт и, конечно, дождались. Суданец Тигани Гизули и русская студентка Надя В. полюбили друг друга и не захотели скрывать своих чувств.

Любовь Тигани к нашей советской девочке вызвала переполох в парткоме. Молодые люди объявили о своем намерении вступить в брак. Меня как декана вызвали в партком. Первый вопрос: что я намерена делать? Я ответила, что в ближайшее время приглашу их к себе на чай. «Но Вы должны отговорить их», – сказали мне. – «И не подумаю», – решительно заявила я. – «Как же так, – возмутилось партийное начальство. – Наша советская девушка выходит замуж за иностранца, а Вы ничего не хотите предпринимать». – «Значит, вы хотите, чтобы я после лекций о Лейли и Меджнуне, где прославляется любовь, свободная от предрассудков, в разговоре с ними утверждала бы обратное? Не выйдет!» И добавила: «Вы бы еще больше приглашали иностранной молодежи на факультет, где учатся преимущественно девочки, и притом запрещали бы им влюбляться. Неужели не понимаете, что это и невозможно, и бесчеловечно». В парткоме прекрасно понимали мою правоту, по-

этому, проведя со мной беседу, отпустили с миром, а потом еще и помогли добиться в общежитии для них отдельной комнаты. На второй день после разговора в парткоме молодые люди пришли ко мне. За чаем я стала говорить с ними об их будущем. Говорила, конечно, мягко, сочувственно, с пониманием их положения. Разговор был серьезным и откровенным. Они мне поведали о своих жизненных планах, я им посочувствовала, ведь впереди может таиться немало трудностей. Тигани не мог остаться в Союзе, и Надя твердо решила следовать за ним куда угодно.

Они поженились, какое-то время жили в отдельной комнате студенческого общежития (секретарь парткома сдержал слово). Родился сын. Как будто все шло хорошо. Но предчувствия мои оправдались. В Судане совершился переворот, в результате чего многие представители компартии были уничтожены. Надя с семьей успели скрыться в советском посольстве. Вскоре их отправили во Францию, и Тигани в течение, кажется, десяти лет работал в Сорбонне. Когда в Судане стало спокойно, они вернулись туда. Однако напуганная пережитым, Надя не смогла там жить. Она попросила разрешения поехать с сыном к матери на время ... и не вернулась в Судан. Я слышала, что Тигани навещал их в Брянске – и только. Брак распался. Что сейчас с ними – не знаю.

Знаю, что наши выпускники-иностранцы тепло и с благодарностью вспоминают наш факультет и меня, называя «второй мамой». Особенно им запомнились занятия в кабинете Ильи Николаевича, которые нередко заканчивались за столом, где я поила их зеленым чаем. Но это было, когда на занятия приходили не все. Обычно – после защиты реферата.

Очень интересно проходили практические занятия и коллоквиумы, которые я проводила сверх учебного плана. С разрешения Учебной части каждая группа состояла из студентов разной национальности – немцы, венгры, вьетнамцы, англичане, африканцы размещались в кабинете Ильи Николаевича. Сидели на стульях, на креслах, на диване, оставив для меня маленькое место, сидели на полу, на паласе. И рассказывали мне о своих литературах, находя сходные с моим материалом сюжеты. Было интересно послушать их, ведь занятия имели целью показать, что мировая литература имеет много общего и что главным предметом ее является человек, который открывался в зависимости от климата, религии, менталитета каждого народа. Студенты понимали, что человечество едино, что все народы должны жить в дружбе, что войны приносят большое несчастье всему миру. Это была главная задача моего курса.

Думаю, что мои старания не прошли даром. Когда-нибудь я опубликую письма своих, таких родных, дорогих моему сердцу, учеников, а о том, как проходили занятия, следовало бы написать отдельную работу.

*Воронежский государственный университет
Бороздина П. А., кандидат филологических
наук, доцент
Тел.: 8(473) 220-89-41*

Надеюсь, большинство из наших выпускников (наш факультет окончили выходцы из более чем 40 стран) не забыли Воронеж, наши разговоры о единстве и многообразии национальных литератур и о том, как много им дал мой курс...

*Voronezh State University
Borozdina P. A., Candidate of Philology, Associate
Professor
Tel.: 8(473) 220-89-41*